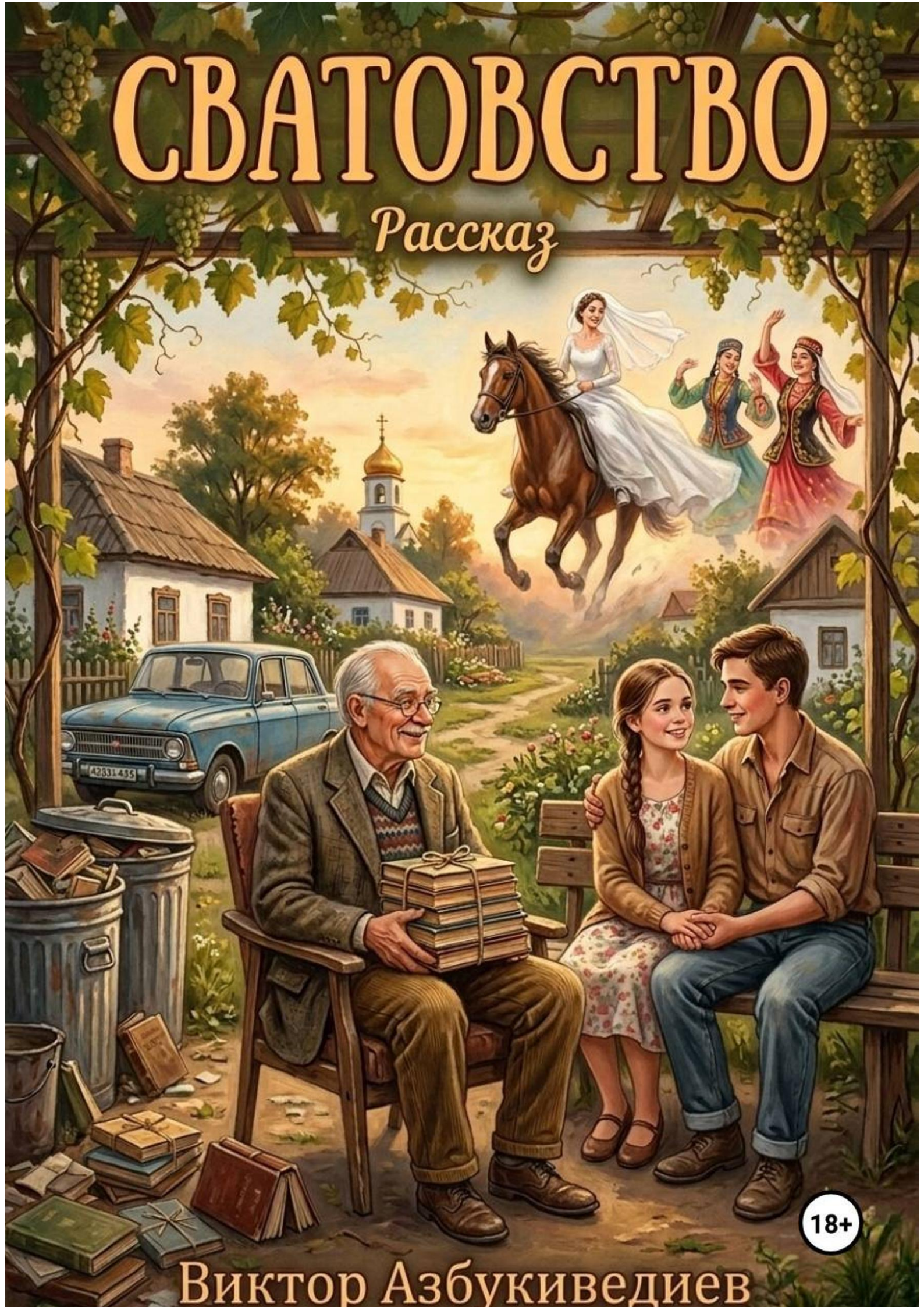

СВАТОВСТВО

Рассказ

18+

Виктор Азбукивдиев

Виктор Азбукивдиев

Сватовство

«Автор»

2026

Азбукивдиев В. П.

Сватовство / В. П. Азбукивдиев — «Автор», 2026

Случайно найденная переписка открывает перед бывшим библиотекарем Иваном Фёдоровичем Переплётновым целый мир — историю бурного сватовства Александра Полухана и Ларисы по прозвищу «Лебеда». Действие разворачивается стремительно: интернет-знакомство, внезапная помолвка, головокружительные повороты судьбы, явка к следователю, встреча с тремя бывшими жёнами и предложение жить гаремом. На этом фоне — трагикомические будни российской глубинки, философские беседы с афганцем Пантелеевичем, шекспировские страсти вперемешку с гоголевскими типажам и, словно мост из литературы в жизнь, — трогательное обручение юных Ромео и Джульетты под благословение деда-книголюба. Рассказ написан живым, разговорным языком с мягким юмором, иронией и большой любовью к простому человеку.

© Азбукивдиев В. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сватовство	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

СВАТОВСТВО

СВАТОВСТВО

Случайно найденная переписка открывает перед бывшим библиотекарем Иваном Фёдоровичем Переплётновым целый мир — историю бурного сватовства Александра Полухана и Ларисы по прозвищу «Лебеда». Действие разворачивается стремительно: интернет-знакомство, внезапная помолвка, головокружительные повороты судьбы, явка к следователю, встреча с тремя бывшими жёнами и предложение жить гаремом. На этом фоне — трагикомические будни российской глубинки, философские беседы с афганцем Пантелеевичем, шекспировские страсти вперемешку с гоголевскими типажам и, словно мост из литературы в жизнь, — трогательное обручение юных Ромео и Джульетты под благословение деда-книголюб. Рассказ написан живым, разговорным языком с мягким юмором, иронией и большой любовью к простому человеку.

Сватовство

Иван Федорович Переплётнов, бывший библиотекарь, прогуливаясь с собакой, часто проходит мимо мусорных контейнеров и, если около них валяются выброшенные книги, подбирает их. Каждый раз, поднимая книгу, он невольно вспоминает, как давным-давно седьмой том Чехова послужил ему «оружием» при защите чести девушки.

Тридцатилетний Фёдорович, а для жены и друзей просто Ваня, работал на заводе сменным мастером. Возвращаясь ночью со смены, он увидел, как к идущей впереди парочке подошли две шатающиеся фигуры и ни с того ни с сего стали избивать спутника девушки. Парнишка, обороняясь, вырвался от них, отбежал и стал ломать штакетину, а пьяные хулиганы потащили девушку в кусты. Ваня подлетел к насильникам как на крыльях и книгой ударил одного из них по голове. После он жалел, что ударил книгой, а не трубой. В другой руке у него была полуметровая дюймовая труба. Этой же трубой насильник, получивший удар книгой, сломал Ване руку и травмировал позвоночник.

Девушка, поваленная другим насильником, не растерялась, схватила попавший под руку кусок кирпича и ударила в лицо негодяю, когда тот, стоя над ней на коленях, рвал платье. Насильник взвыл и залился кровью. Полуобнажённая, с ещё большим куском кирпича в одной руке и босоножкой в другой, она стала в боевую стойку и крикнула другому негодяю: «Брось трубу, мразь! Убью...ю.., р-разорву на куски!!» Подбежали двое рабочих со смены и парнишка со штакетиной...

Мелькнули годы. С пластинкой в позвоночнике Иван Фёдорович, по настоянию жены, закончил ещё один институт, и его трудовой путь прошёл рядом с книгами — от рядового библиотекаря до директора. Ныне он пенсионер.

Собранные книги книголюб сортирует, сушит, клеит, а побывавшие в смердящей жиже отходов складывает отдельно. Спасённые книги он расставляет по стеллажам в гараже и сарае. Классиков определяет к классикам, научные к научным и так далее. Верхние и средние стеллажи пополняются уважаемыми авторами, в нижнем, рядом с картошкой, теснятся авторы, которых книголюб считает достойными именно этой высоты и соседства с мелкой картошкой. Тощие книжонки местных авторов ютятся под стеллажами, ожидая сортировки.

Своё богатство книголюб раздаёт детям и взрослым, знакомым и незнакомым, и рыночным торговцам. Растерзанные, загаженные и те, содержание которых не лезло Фёдоровичу в

голову, сдаёт в макулатуру. Сдавая бумагу и картон, Иван Фёдорович, как законопослушный гражданин, выполняет выстраданное культурными людьми обращение к читателям, напечатанное в книге Анатолия Виноградова «Повесть о братьях Тургеневых», выпущенной минским издательством «Вышэйшая школа» в 1983 г.

Сегодня около мусорных баков книголюб поднял несколько книг. Одна из них — «Современные польские повести». Листая, он увидел, что предисловие отсутствует; в рассказе «20 июля» Ежи Пуртамента вырваны три листа и что повреждён плесенью «Голый сад» Веслава Мысливского. «Калека, но ещё послужит», — сказал сам себе книголюб и, взволнованный судьбой книг, продекламировал в пространство обращение минского издательства:

Уважаемые товарищи!

Чтобы сохранить лесные богатства нашей страны, с 1974 года организован сбор макулатуры в обмен на художественную литературу, для чего расширен выпуск популярных книг отечественных и зарубежных авторов.

Сбор и сдача вторичного бумажного сырья — важное государственное дело. Ведь 60 кг макулатуры сохраняет от вырубки одно дерево, которое вырастает в течение 50–80 лет.

Призываем ВАС активно содействовать заготовительным организациям в сборе макулатуры — это даст возможность увеличить производство бумаги для дополнительного выпуска нужной населению литературы.

Около контейнеров остановилась «Газель». Двое молодых людей в забрызганных комбинезонах выгрузили из кузова разобранные шкафы и несколько картонных коробок, из которых посыпались листы бумаги. Иван Фёдорович успел поднять только одну коробку, как подъехала спецмашина.

В гараже, сортируя бумагу, он отложил и потом раскрыл два помятых скоросшивателя. В одном лежал лист формата А-4, на котором были напечатаны личные данные с фамилиями, адресами, номерами телефонов, счетов, карт и пр. пр. В другом была стопка листов, уложенных в плотный пакет. На внутренней стороне скоросшивателя было написано: «Хока! Поздравляю с международным днём хакера и пранкера»... Z... в дело не идёт... обалденная переписка.

Хака.

Дома во дворе Иван Федорович сел в кресло под виноградником и вскрыл пакет с «обалденной перепиской». Первый лист наполовину был заполнен адресами, номерами телефонов и пр.

— Это творчество тех умельцев, — понял он, — которые способны без ключа и лома, без стрельбы и крови ограбить любого гражданина и надёжный банк, бесцеремонно залезть в душу человеку с помощью помойки, именуемой интернет, где уже столько всего навалено, набрызгано и наплёвано... Людям становится беспокойно и жутко, — произнёс он вслух и принялся читать напечатанный далее текст.

СМС. 7 авг. 15-30. аб-т — 8918...

аб-ту — 8918...

Любовь моя! Подушка моего сердца! Твоя душа — мягкость пуха, твёрдость гранита, глубина пучины, высота небес. Твои движения — течение вод, то бурные, то (неразборчиво). Ты стройна, как кипарис, танцуешь, как пламя, загадочна, как туман. Пением чаруешь птиц, артистична и уверенно выглядишь несравненной красавицей не только на хуторе, где мы с тобой случайно встретились, но, наверное, и во всей округе. Я сражён твоей красотой и был раскалён твоей декламацией диалога двух страстно влюблённых из твоей смелой режиссёрской работы. Твои поцелуи сломили меня, и я у твоих ног.

Целую. А.

СМС. 7 авг. 15-40. аб-т 818...

аб-т 8918...

Пиши по делу. Я занята, на репетиции.

Твоя Лариса. Лебёдушка, как ты назвал, короче — Лебеда.

Звонок. 7 авг. 15-45. аб-т 8918...

аб-ту 8918...

Любовь моя! Прельщение очей! После того как мы с тобой в воскресенье ночью обвенчались в роще под кустом сирени, где свидетелем был Господь Бог, сотворивший нас по образу и подобию и давший каждому разуму в такой мере, сколько Он определил по своему божьему усмотрению, то я своей мерой, в моём трудном положении, понял, что сейчас нам для счастья нужно совсем немного места в каком-нибудь глухом местечке, чтобы пожить там влюблёнными дикарями.

Лариса, я слегка не здоров. Отравился... В воскресенье, в роще, впервые за десять лет выпил спиртное — твой «напиток богов». Когда и куда ты исчезла за полночь — не помню. Под утро едва не захлебнулся рвотой с запахом ацетона. Сейчас с трудом вспомнил, что ночью выпросил твоей руки из-за любви... «Пробил час, — сказал я, — тебе сегодня исполнилось восемнадцать...» и... надел презерватив. Во время бурного знакомства ты, помнится, сказала: теперь я твоя невеста. Присылай сватов... Сватовство мы наметили на вторник, то есть на сегодня.

НЕВЕСТА. — Я готова, мы в городе. С репетиции всей труппой заедем к тебе. Приготовь что-нибудь испить и закусить. Сообщи адрес... Я, к сожалению, не помню ни названия твоего хутора, ни где он находится. Приедем в третьем часу. Готовься.

ЖЕНИХ. — Лариса! Я сказал, что слегка не здоров; на самом деле я, кажется, при смерти. Посинел и начались судороги. Причина — дополнительное отравление к воскресному. Я ведь не пьющий. Пьянею от красоты природы, поэзии, общения с трезвыми людьми и заметил, что алкоголь разворачивает сознание людей в сторону непредсказуемых последствий. Травмированным мозгом сообразил, что сватовство, к сожалению, придётся отложить, потому что вчера, в понедельник, с больной головой мне наконец-то удалось устроиться на работу. Был принят медбратом в психоневрологический интернат «Надежда», самое большое учреждение в городе, вернее, за его чертой. Трое пожилых соседей с другого конца хутора настойчиво посоветовали «обмыть» событие, а заодно и поправить голову.

Сегодня двое рослых сотрудников интерната разыскали и доставили меня на работу к 12 дня... Пришлось писать объяснительную. Читаю черновик: «Сегодня 7 августа 20.. года я, Полупан Александр Вениаминович, опоздал на работу ввиду болезни. Вчера отравился некачественным продуктом. В больницу не выдвигался, так как спешил на работу. Прошу Вас, уважаемый директор Редьманджаниян Понтий Пилатович, простить опоздание. Заверяю Вас, что этот случай был у меня первый и последний. Полупан».

НЕВЕСТА. — Милый, сочувствую и переживаю. Пополни счёт на 500 рублей. Целую.

ЖЕНИХ. — К концу дня попробую найти средства. Одолжу у тёти... Мука сердца! Свет разума. Ты любишь веселье, у тебя много друзей-артистов. Ты готовишь комедию, юмор — твоё кредо... Моё посещение интерната с объяснительной — комедия, готовая для постановки... Крупное начальство и большое стадо мелкого окружило меня, чтобы посмотреть, что я из себя представляю. Генеральный директор, при двух исполнительных, четверых инженерах, троих финансистах и при всём разношёрстном окружении странно улыбающихся специалистов, прочёл в моей записке слова «первый и последний», расплылся в улыбке и мягко произнёс: «Так оно и есть, Вы у нас не работаете». Порвал объяснительную и бросил мне в лицо. Сочувствовала мне заведующая 6-го режимного отделения, симпатичная дама бальзаковского

возраста. Провожая к выходу, она взяла меня под руку и шепнула: «Милый мой, не печалься, когда поумнеешь — пиши новое заявление, а то и без заявления тебя наверняка заберут сюда с ногами и руками». Превозмогая головную боль после вчерашнего и позавчерашнего, задал ей вопрос: «Почему здесь так много директоров, инженеров, финансистов и т. д.?» Она недоумённо посмотрела на меня и поцеловала в губы. Наблюдавшие работники заплодировали, а я почувствовал резкий запах гнилых зубов... «Милый мальчик, — ласково говорила она после негигиеничного поцелуя, — ты думаешь, с дураками легко работать? Они, познав опыт тёмной теневой работы вне нашего интерната, направляются сюда, чтобы набраться светлого ума, исправить ошибки, а заодно и обменяться опытом. Подумай, милоч, что творится в госучреждениях, корпорациях, фондах, фирмах, в среде культработников, в кабинетах дворцов, где ютятся грозные распределители бюджетных средств... Придурок сидит на дураке и „умником“ погоняет. Но гребут они умно, не так, как куры; те гребут от себя, а эти к себе и столько, что никаким курам не переклевать. Эти гребцы сами себе создают в коллективах и комфорт для тесной кучки патрициев, и невыносимую обстановку для плебеев. Удушливая атмосфера в коллективах способна довести до сумасшествия нормального работника, которого они обызывают ещё и быдлом. Здесь быдлов нет, спокойная обстановка и вакансий много, но, как и везде, есть лимит. Всех принять мы не можем. Мне, как бывшему депутату, известно, что в мэрии, в горбольнице, горбиблиотеке есть только по одной нормальной работнице, остальные с придурью... Не переводить же их всех сюда; пусть у себя на месте и обмениваются опытом».

Развязка комедии, Ларочка, для меня окончилась трагедией. На выходе охранник спросил меня, почему я ухожу, не дождавшись начальства. В этот момент к воротам подъехал автобус, и из него вышли степенные люди. Ко мне подошла девушка из отдела кадров и, пожёвывая жвачку, сказала: «Полупан Александр Вениаминович, Вы уволены. Приказ подписан. Заберите документы».

НЕВЕСТА. — Насчёт работы скажу прямо: шея есть — ярмо найдётся, а со сватовством решим так: не ты ко мне, а я к тебе приеду свататься. К моему месту жительства добраться сложно, легче добраться до луны. Сообщи адрес и сообрази обед. Пока.

Звонок. 7 авг. 16-00.

ЖЕНИХ — НЕВЕСТЕ.

Будущая жёнушка — срочная новость. Пять минут назад начальница хуторской почты, о существовании которой я и не подозревал, вручила мне повестку. 8-го августа я должен явиться к следователю в 13-й кабинет к 9 часам с паспортом. Начальница сама разносит почту; почтальонов, говорит, уволили за ненадобностью. Как она меня нашла, ума не приложу. На хуторе я не прописан. Ищут какого-то неплательщика алиментов... Радость моя! У всех бывают ошибки, и я не исключение. Признаюсь тебе: я был женат. 16 лет назад в течение четырёх суток мы жили с Виталиной дружной семьёй, не оформляя брак, но Виталина отвернулась от меня, ибо я после свадьбы ни одной ночи не ночевал дома по уважительной причине. Детей у меня с ней не было и быть не могло, впоследствии выяснилось — она бесплодна. На пятые сутки супружества Виталина подружилась с артистом цирка, и я облегчённо вздохнул.

НЕВЕСТА. — Давай покороче, диктуй адрес. Я с трупой еду к тебе на сватовство. Готовься.

ЖЕНИХ. — Диктую адрес с повестки: Калниболоцкий край, г. Бурнорецк, ул. Сыроварная, дом 399/4. Жду.

НЕВЕСТА. — Жди, скоро будем. Я с трупой в городе, в клубе «Красный молот». Приготовь водочки, пивка и сытный закусончик.

ЖЕНИХ. — Ларочка, купи к столу чего-нибудь съестного... У меня чекушка крепкого напитка, добытого у пасечника, банка бычков в томатном соусе и четвертушка позавчерашнего хлеба.

НЕВЕСТА. — Герой моей весёлой комедии «Отелло» — Вася Полузонский сказал, что у тебя закуски больше чем достаточно. От себя добавлю булку хлеба и блок «Кэмэла». Жди, сейчас мы на минутку заскочили в пивную освежиться после сумасшедшей репетиции. Скоро будем.

Звонок. 7-го авг. 17-30. ЖЕНИХ — НЕВЕСТЕ

Лариса, самочувствие ужасное. Отравление действует до сих пор. В глазах потемнело, в ушах зазвенело, временами канудит. Я, кажется, теряю ощущение реальности... Только что электрики обрезали провода за неуплату. Добыл яйца, 5 штук, но теперь яичницу придётся жарить на костре: ни света, ни газа. Условия жизни, Ларочка, у меня, скажу прямо, непростые. Я обретаюсь в тётушкиной времянке, которую можно назвать избушкой на курьих ножках, а тёте сделал косметический ремонт в курятнике; в нём 8 лет назад якобы водились куры.

По поводу электричества тётя мне сказала: «Тебе свет нужен — ты и плати, мне он не нужен». Я ей ответил, что квитанции, тётя, приходят на твоё имя, ты хозяйка — ты и плати. Она подумала и предложила мне стать хозяином домовладения и платить за свет и остальное. Решили на следующей неделе оформить завещание, так что после её смерти хоромы будут нашими. Будешь ты, Ларочка, хозяйкой и повелительницей моего сердца. Конечно, придётся подождать какое-то время; тёте сорок четыре, сорок пятый пошёл... Состояние скверное, лежу пластом.

НЕВЕСТА. — Держись, ты сильный, не то что мои артисты. Из труппы на ногах осталась я и Вася-«Отелло», остальные труппы; пиво свалило. Тяжко идём к тебе с Васькой по пыльной Сыроварной.

Звонок. 7 авг. 18-50. ЖЕНИХ — НЕВЕСТЕ

Лариса, стало полегче. Рассудок просветлился, и я подумал, что известные артисты позволяют себе уйти в отрыв; мотаются на шикарных машинах и даже под хмельком, вытворяют выкрутасы, которые не по карману артистам клубной самодеятельности. У тех: деньга, родня, адвокаты, а на какие шиши превратилась в трупы твоя труппа?

НЕВЕСТА. — На доходы, которые тебя не касаются. Не суйся не в своё корыто.

ЖЕНИХ. — Ладно, я погорячился. Но я ведь жалею твои ножки. Могла бы оставить денег на такси... А ножкам твоим, им бы ступать по дивным коврам да аллеям, ухаживая за детьми и цветами, да иметь бы тебе несметное количество нарядов и полные шкатулки украшений. После сватовства уляжемся с тобой во времянке и помечтаем. С милой и в шалаше рай. Не так ли?

НЕВЕСТА. — Разберёмся. Готовь пойло и хавку. Выпьём, закусим, повеселимся и не будем заморачиваться. Жди. Идём по бесконечной Сыроварной, скоро притопаем. Пока.

Звонок. 7 авг. 21-15. НЕВЕСТА — ЖЕНИХУ

Будущий муженёк, не мути воду, не шути так со мной! По адресу бесконечной Сыроварной, 399/4, частная территория — ипподром и конюшни коннозаводчика Хвостовецкого. Из сторожки к нам вышла бабушка-сторожиха и рассказала, что да, восемь лет назад, когда ещё стоял здесь на отшибе четырёхквартирный «гроб», то у неё в примаках жил и был прописан красавец-поэт по фамилии Полупан и что имени она его не помнит, ибо если помнить всех сожителей, то не дай бог разболится голова, а мне, сказала она, пора начинать беречь здоровье, а то поздно будет.

НЕВЕСТА. — Шли такси на Сыроварную, болван. (...связь прервана...)

Звонок. 7 авг. 21-25. ЖЕНИХ — НЕВЕСТЕ

Извини, ошибся, и всё из-за отравления. Прочитал адрес с повестки. Диктую с квитанции НЭСК. Хутор Первое ленинское возрождение, улица Кремлёвская, 9. В хуторе 9 подворий, остальные заброшены. По новой нумерации от первого двора до 9-го около двух километров

пути. Дороги как таковой нет, есть тропа по краю полей. Наискосок, через охраняемые поля Прихватизилова, не вздумайте идти. Казаки могут угостить нагайками.

Такси не будет, денег нет ни копейки.

НЕВЕСТА. — Растяпа, голодранец, скажи спасибо Васькиной тётке; положила мне на счёт 200 рублей, а вот налички нет ни гроша. К тебе, мой милый олух — больной и хворый, приехать нет возможности. Организуй, кровь из носа, транспорт на завтра. Сегодня придётся ночевать здесь, потому как Васькина тётка живёт в Юго-Северном, а я квартирую в Западно-Восточном хуторе. Без денег не добраться ни туда, ни сюда, никуда... Будь здоров, не кашляй.

Звонок. 21-55. ЖЕНИХ — НЕВЕСТЕ

Лариса, мне не спится, в одиночестве коротаю время; учусь пить самогон. Выпил треть рюмочки и сажу на пенёчке, мечтаю. Пасмурно, не видно ни зги, хоть в мордяку дай. Выпросил у тётки последнюю свечку, но нет ни спичек, ни зажигалки... Я ведь ещё и некурящий. Захвати на всякий случай коробочку спичек. Временами на речке светит прожектор. Какие-то иноверцы арендовали все четыре пруда, и теперь бывшие колхозники, освобождённые от полевых работ Прихватизиловым, не имеют права ловить рыбку и столоваться ею, как это было всегда и везде. С помощью прожекторов выслеживают грабителей с удочками и сетями и вылавливают их. Пиши, где остановилась ночевать. Спокойной ночи. Целую. Конечно, ревную, ты ведь не одна, с тобой артист Отелло. Звони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.